

Наталья Горбаневская «А я всегда всем современницей была...»

Вот она я -
еду - поедем - поехали,
и в водопаде наяд
стайки заахали эхами.

Вот оно то,
к чему через рвы, ухабы
тащились плащи, манто,
хламиды, роботы, рубахи.

И вот они мы в Нем,
неловкая в Слове пословица,
и в водопаде огнем
с разбегу вода остановится.

* * *

Я в лампу долью керосина.
Земля моя, как ты красива,
в мерцающих высях вися,
плетомая мною корзина,
в корзине вселенная вся.

Земля моя, как ты красива,
как та, что стоит у залива,
отдавшая прутья свои,
почти что безумная ива
из тысячелетней любви.

Земля моя, свет мой и сила,
судьба моя, как ты красива,
звезда моя, как ты темна,
туманное имя Россия
твое я носить рождена.

1963

Эта глиняная птичка –
это я и есть.
Есть у ангелов привычка –
песенку завести.

В ритме дождика и снега
песню затянуть,
а потом меня с разбега
об стену швырнуть.

Но цветастые осколки –
мусор, хлам и чад –
не смолкают и не смолкли
и не замолчат.

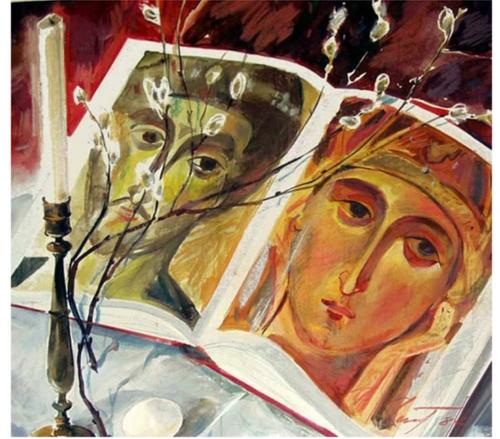
Есть у ангелов привычка –
петь и перестать.
Но, непрочный, точно иней,
дышит дух в холодной глине,
свищет – не устать.

Не врубилась ещё, не вмолилась,
не впечаталась в общее дело,
не засматривалась, не глядела,
ни на чью не сдавалась милость.

Но зато и слезами умылась
и, едва доходя до предела,
поседела и поредела,
только длилась, не определилась.

Только тлилось под углями пламя,
только тлело оно под углами
многогранного горизонта.
Только сыпались по ветру искры
и скрывались в потёмках тернистых,
где ни разума, ни резона.

Пора остановиться,
не виться, не крутиться
вокруг чего ни будь,
пора, как рукавица,
с ладонью распротиться,
в сугробе утонуть.

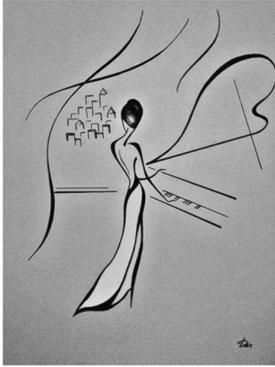
Пора надменный опыт
перековать на шепот,
на шелестение
сухих опавших листьев,
простых последних истин,
колких, как терние.

А ты не бойся, не печалься,
и пусть отчаянье не гложет.
Никто не знает дня, ни часа,
когда по манию Начальства
ангел-хранитель крылья сложит.

Никто не знает дня, ни срока,
когда ты выйдешь из-под стражи
и, как сорока-белобочка,
замолкнешь и вздохнёшь глубоко.
И станет мир страшней и старше.

Мелодия, ты всё, ты вся
судьба моя и голос.
Ты помнишь, как, тоску снеся,
посуда не кололась,
как, переживши перелет,
мой саквояж не рвался
и как сходил с борта пилот
под бормотанье вальса...

И нырни, и восстань
- в полыню, в иордань -
только хлюп, только хрип, только всхлип.
Как дамасская сталь,
моя дальняя даль,
но полыню не пахнет мой хлеб.

Пахнет теплым жильем,
да горелым жнивьем,
да... - и этим, и этим, и тем.
Горе в море сольем,
белой солью совьем,
и подкрасим, и позолотим.

Эх, полынь-полынья,
полусон, полуювь,
полу-я, полу-кто-то... Но кто?
Полынья ты, полынь,
четвертуй, половинь,
чтоб ломоть задышал около рта.

Вот мы и дожили - но до чего?
Вот добежали - к чему?
Спросим прохожего, спросим его,
морщащего по привычке чело,
жуя на ходу ветчину.

Ничего не ответит прохожий,
у виска лишь покрутит перстом,

Роняй, роняй, потом не подберешь
вчерашний сон и предпоследний грош,
вчерашний зной и сон предгрозовой,
хоть волком взвой и застони совой.

затемнеется день непогожий,
и река зарядит под мостом.

Вот мы и дожили - дальше живи.
Вот добежали - беги.
Кровь на любви и любовь на крови
круто замешены, но не соври,
досюда считая шаги.

Залей, завей веревочкой беду
у журавлей пролетных на виду,
у аиста, что вдруг притормозил
и, как слезу, ребенка изронил.

* * *

На двух ногах, четырехглазый,
скорей колеблется тростник,
чем мыслит. Странною заразой
затронутый, увял, и сник,

и снит в неведомой долине
невидимые миру сны,
и выплывают удалые
на Млечный путь его челны.

Ты понимаешь, понимаешь,
чего я говорю?
Ты не обманешь, не обманешь,
что это всё не плод ума лишь?
Я чую, слышу, зрю

и густоту, и редкость речи,
нагруженной на эти плечи
случайные, мои,
как воин, кликнутый на вече,
оставивший бои.

* * *

А на тридцать третьем году
я попала, но не в беду,
а в историю. Как смешно
прорубить не дверь, не окно,
только форточку, да еще
так старательно зарешё-
ченную, что гряда облаков
сквозь нее - как звено оков.

* * *

Все исчерпывается,
исчерчивается, как лед коньками,
и колется, как стекло.
Все истачивается,
истапывается под башмаками
и как будто уже утекло.

Все истощается - и почва, и толща
океанских вод.
И ты источаешь без страха и молча
свой постепенный уход.

И, наддав дыханья углю,
разогнись и вслух повтори
первобытный призыв к огню,
этот возглас "гори, гори".

Гори, гори ясно -
ничто не напрасно.
Гори, гори жарко -
ничего не жалко.

Гори, гори,
моя звезда,

звезда зари
рассветная,
тебя внутри -
жара несметная,
а между нами -
холода,

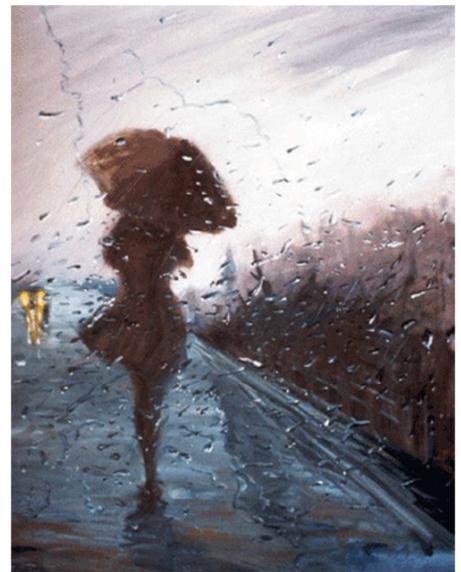
тьма космического льда
в звездном океане.
Разожги, зажги, звезда,
мой костер в тумане.

* * *

От версты до версты
прохожу по вселенной
и столбам верстовым пришиваю хвосты
красоты необыкновенной.

"Это ты?" - Это я, но и ты
в моей памяти самозабвенной
уползаешь в кусты
с перерезанной веной.

"Это я?" - Это ты, но и я,
извлекая из небытия
и вставляя в дырявую память
облик твой, но не чтобы поправить,
а - понять, прихватив за края,
и - память, распрямить и расплавить.

* * *

Но нет меня в твоём условном мире,
и тень моя ушла за мной вослед,
и падает прямой горячий свет
на мой коряворукий силуэт.

Опять моя отрада мерить мили
в грохочущих, как театральный гром,
грузовиках, ободранных кругом,
и взмахивать рукою, как крылом.

Одни дороги мне остались милы,
и только пыльный плавный асфальт
из-под колес бормочет: – Не оставь,
не доезжай, Наталья, до застав.

Одни дороги мне остались милы.
Опять моя отрада мерить мили.
Но нет меня в твоём условном мире.

А я всегда
всем современницей была
и, как вода,
по всем изгибам русла протекла.

И, в море впав,
осталась, как и все, без прав,
не миновал
меня ни первый, ни девятый вал.

Волна волне
я говорю: "Чего мы ждем?
Пора и мне
свои верховья увлажнить дождем".

Стихи Натальи Горбаневской взяты из : Почти полное избранное.СПб.: Лики России, 1996;
Последние стихи того века. М., 2001.

Рисунки: Б.Биргер, Т.Гринберг, Омид Азади, И.Семилетов, Ю Чистяков, картинки из сети.

